

На правах рукописи

37

Тищенко Наталья Викторовна

Тищенко

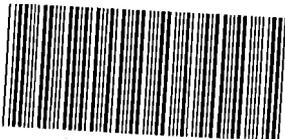
**ТЮРЕМНАЯ СУБКУЛЬТУРА
В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК**

24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

19 СЕН 2013

005533163

Саратов 2013

39

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Волошинов Александр Викторович

Официальные оппоненты: **Костина Анна Владимировна**
доктор философских наук, доктор
культурологии, профессор, АНО ВПО
«Московский гуманитарный университет»,
заведующая кафедрой философии,
культурологии и политологии

Петухов Валерий Борисович
доктор культурологии, профессор,
ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный
технический университет»,
заведующий кафедрой истории и культуры

Абрамов Михаил Александрович
доктор культурологии, профессор,
ФГКВБОУ ВПО «Саратовский военный
институт внутренних войск Министерства внут-
ренних дел Российской Федерации»,
старший преподаватель кафедры гуманитарных
и социальных наук

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет», г. Москва

Защита диссертации состоится «22» октября 2013 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.242.12 при ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» по адресу: 410054, Саратов, ул. Политехническая, 77, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., корп. 1, ауд. 319.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.».

Автореферат разослан «23» августа 2013 года

Учёный секретарь
диссертационного совета

Карпова Галина Геннадьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется необходимостью теоретического осмысления и разработки научно обоснованного подхода к анализу социокультурных проблем, связанных с влиянием тюремной субкультуры на разнообразные сегменты доминирующей культуры современной России. Формирование тюремной субкультуры происходило в рамках пенитенциарной системы, модели и принципы функционирования которой были сформулированы судебными системами европейских и североамериканских государств в XVIII веке, а затем получили распространение в России. Возникшие ценности и практики тюремной субкультуры были призваны поддерживать взаимодействие между индивидами именно в местах лишения свободы. Однако в условиях современной российской реальности элементы тюремной субкультуры преодолели географические и социальные границы мест лишения свободы и стали частью разнообразных сфер жизнедеятельности: масс-медийный, политический, повседневный дискурсы изобилуют примерами использования ритуалов, традиций и высказываний, являющихся частью тюремной субкультуры. Уровень критики со стороны общественных организаций, образовательных структур, направленной на снижение влияния тюремной субкультуры, достаточно высок, но зачастую критика носит формальный, риторический характер и не выявляет сути проблемы распространения ее влияния. Остаются неочевидными механизмы, которые допустили ценности и практики тюремной субкультуры и в официальную (политическая риторика), и в доминирующую (художественные, повседневные практики) культуру.

Одним из эффективных барьеров на пути распространения тюремной субкультуры должна выступать государственная политика в сфере исполнения наказаний. Основные принципы российской государственной уголовно-исполнительной политики представлены в ряде документов – Уголовном, Уголовно-исполнительном Кодексах и Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Проблематичность современной государственной политики в сфере исполнения наказаний заключается в рассогласованности многих ее положений, так как взятые за основу международные нормы и принципы наказания не соответствуют сложившемуся в России культурному опыту и традициям. Критическое положение дел в уголовно-исполнительной политике отмечают не только внешние наблюдатели (правозащитники), но и сами сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний. Так, первый заместитель директора ведомства Э.В. Петрухин в конце 2012 года заявил о провале пенитенциарной реформы в Российской Федерации. Президент Российской Федерации В.В. Путин в апреле 2013 года на специальном заседании Совета при президенте России по развитию гражданского общества и правам человека объявил о создании межведомственной комиссии по реформе уголовно-исполнительной системы и кар-

динальном пересмотре основных положений самой концепции. Эти события позволяют сделать вывод, что влияние тюремной субкультуры на доминирующую культуру приняло угрожающий характер и осуществляется через разнообразные каналы, и что официальная власть без участия институтов гражданского общества (правозащитных организаций, исследовательских групп) не способна выработать эффективную политику в сфере исполнения наказаний.

Места лишения свободы (определяемые в повседневном языке как «тюрьма», «зона», «лагерь»), изоляция, надзор, режим – эти понятия стали распространенными выражениями, используемыми в качестве метафоры для определения характера процессов и явлений общественной жизни. Возникает парадоксальная ситуация: места лишения свободы воспринимаются как явно негативное, дискриминационное явление, но нормы и правила тюремной субкультуры присутствуют на сегодняшний день в большинстве сфер деятельности людей, например искусстве, языке повседневного общения, способах взаимодействия между людьми, жизненных ценностях. Границы между местами лишения свободы и остальным обществом размываются, но это ведет не к гуманизации отношения к осужденным и улучшению условий содержания, а к проникновению норм тюремной субкультуры в повседневную жизнь и культуру в целом.

Актуализация культурологических исследований тюремной субкультуры связана, прежде всего, с тем, что научные дисциплины, традиционно анализирующие состояние пенитенциарной системы и тюремного населения, оказались не способны на сегодняшний день предотвратить экспансию тюремной субкультуры в повседневную и общественную жизнь. Культурологическое осмысление проблем, связанных с тюремной субкультурой, может оказаться эффективным инструментом для решения как экзистенциальных задач (преодоление влияния на индивидуальном уровне), так и институциональных проблем (преодоление влияния на уровне социальных и культурных практик). Необходима фундаментальная разработка методологии исследования тюремной субкультуры на основе концептуализации механизмов ее влияния и распространения через художественные практики, воспринимаемые как неотъемлемая часть доминирующей культуры.

Степень научной разработанности проблемы определяется научными традициями, сложившимися в исследованиях культуры, различных культурных форм и духовной жизни общества. Тюремная субкультура является объектом исследовательского интереса специализированных областей знания, таких как криминология и пенология. Но в рамках философских, социологических и гуманитарных исследований тюремная субкультура зачастую рассматривается как вторичный объект исследования, изучение которого вписано в контекст более общих проблем, таких как философия наказания, социология преступности, социальная мобильность и маргинализация, теории субкультур и контркультур. Однако занижение статуса тюремной суб-

культуры как объекта исследования неправомерно, так как она является самодостаточным культурным явлением и способна оказывать влияние на многие социальные и культурные процессы.

На формирование авторского определения тюремной субкультуры и связанных с ней процессов повлияли исследования различных научных направлений (история, философия, социология, криминология, теории культуры), что указывает на комплексность и междисциплинарность такого объекта исследования как тюремная субкультура. Важными для исследования в области генеалогии современных стратегий наказания следует считать работы по определению и оценке стратегий наказания И. Бептама, Ч. Беккарна, У. Веннинга, Р. Гарофало, Дж. Говарда, Дж. Локка, Ч. Ломброзо, Ш. Мотескье. Современные исследования проблем наказания формировались в рамках изучения криминальных субкультур. В теориях криминальных субкультур, разработанных А. Коеном, Р. Мертоном, Т. Селлином, утверждалась тесная связь противоправных действий с сосуществованием сообществ, культивирующих определенные ценности и связанные с ними модели поведения. Непосредственно тюремная субкультура становится объектом исследования в направлении «социология наказания». Главными темами, разрабатываемыми авторами этого направления, являются: типология тюремной субкультуры и характер взаимодействия общества с местами лишения свободы. Эмпирические исследования тюремной субкультуры в Америке и европейских государствах представлены в текстах: А. Голднера, Д. Ирвина, Дж. Кассебаума, Д. Клемера, Д. Матзда, Р. Метьюса, Р. Моргана, Дж. Ньюмана, Г. Сайкса, Д. Уорда. В дальнейшем теории социологии наказания развивались в сторону дифференциации: проводились ювенальные (Р. Кловард, Л. Олин) и женские исследования тюремной субкультуры (Ф. Адлер, С. Уолклейт, Е.Ю. Ефимова, А.С. Михлин, Л.В. Яковлева). Параллельно с изучением тюремной субкультуры развивались исследования, посвященные природе самого наказания, как важного социального и культурного феномена. Это направление представлено в работах Э. Даффа, Д. Гарланда, Д. Ротмана. Важнейшие социокультурные и антропологические теории формирования и функционирования изолированных обществ, в том числе тюремной субкультуры, представлены в текстах И. Гофмана и М. Фуко. Гофман выявил способы репрезентации в условиях изоляции, а Фуко продемонстрировал трансформацию таких структур как преступление, преступник и наказание в культурно-историческом контексте.

Отечественная тюремная субкультура представляет собой уникальное явление и требует оригинальных теоретических подходов и специфической методологической базы. Для понимания причин современного отношения к тюремной субкультуре большое значение имеют отечественные исследования способов наказания и осужденных XIX века. Условно можно выделить три направления исследований, сформировавшихся в тот период. Первая группа текстов посвящена историческим вопросам и сравнительному изуче-

нию мест лишения свободы (И.П. Белавенец, Д.А. Дриль, М.И. Зарудный, П.Д. Колосовский, П.П. Кропоткин, А.Б. Лакнер, Н.В. Рейнгардт). Вторая группа текстов посвящена философским основаниям практики наказания (С.И. Баршев, Н.Я. Воскобойников, С.В. Познышев, П.Г. Редкин, А.П. Чебышев-Дмитриев, Р.Д. Шишкин). Третья группа авторов непосредственно проводила исследование осужденных в России: (С.И. Барановский, Н.Л. Зеланд, Хр.П. Козлов, И.Хр. Озеров, П.И. Тарновская, П.Н. Ткачев, И.Я. Фойницкий, А.Н. Хвостов). Размышления о пенитенциарной системе тесно связаны с духовной и интеллектуальной ситуацией в России XIX века. Для понимания культурного контекста развития представлений о тюремной субкультуре являются важными этическая концепция Н.А. Бердяева, философия хозяйственной деятельности С.Н. Булгакова, социально-правовая концепция П.И. Новгородцева, философия всеединства В.С. Соловьева.

Исследование пенитенциарной системы и тюремного населения в советский период связано с развитием историко-правового направления (М.Н. Гернет) и уголовно-исполнительное и уголовно-трудовое право (Л.Г. Крахмальник, Б.С. Утевской). Принципы и задачи государственной исправительно-трудовой политики представлены в таких изданиях, как «Социалистическая законность» (впоследствии «Законность»), «Государство и право», «Вопросы борьбы с преступностью». В статьях периодических изданий содержится информация о состоянии пенитенциарной системы и демонстрируются характерные для того периода способы репрезентации осужденных. Пенитенциарная система представлена как механизм по исправлению посредством трудовой деятельности, а осужденный – как объект воздействия этого механизма. Сложные социальные и культурные процессы второй половины 80-х начала 90-х гг. XX века спровоцировали как рост преступности и изменение состава тюремного населения, так и качественную трансформацию исследований, посвященных тюремной субкультуре и пенитенциарной системе. В современной отечественной исследовательской литературе можно выделить три направления изучения тюремной субкультуры. Первое рассматривает субкультуру в правовом и криминологическом аспектах, фокусируя внимание на классификации преступных групп и типологизации субкультур, сформированных в местах лишения свободы по криминологическому признаку (Е.О. Алауханов, Ю.М. Антонян, Т.П. Луговенко, В.В. Лунеев, В.Ф. Пирожков). Второе направление посвящено истории пенитенциариев в России и тюремная субкультура здесь не является автономным объектом исследования, а представлена посредством исторических фигур известных преступников, политических осужденных и пр. (В.Н. Андреев, А.И. Гуров, В.А. Демин, А.Д. Марголис). Третье направление рассматривает отечественную тюремную субкультуру в социокультурном и антропологическом аспектах и именно в рамках этого направления тюремная субкультура перестает быть простым объектом воздействия государственных исправительных стратегий, и обретает конкретные гендерные, этнические, профес-

сиональные характеристики (А.И. Антопов, Л.И. Альперн, Е.С. Ефимова, М.П. Клейменов, А.Н. Олейник, Е.Л. Омельченко, Л. Сафронов). Также важную аналитическую информацию для диссертационного исследования содержат работы, посвященные проблемам уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в России и за рубежом (А.Ю. Корчагина, Д.В. Липатов, В.В. Сергеева, А.О. Смирнов).

При анализе тюремной субкультуры возникает потребность обращения к темам, связанным с вопросами институционализации общественных систем (М. Вебер, З. Бауман, Т. Парсонс, Р. Мертон); вопросам формирования социальных пространств (А. Лефевр, Э. Гидденс); проблемам функционирования властных механизмов в обществе и культуре (М. Фуко), вопросам формирования идеологических схем (Л. Альтюссер, А. Грамши), вопросам конструирования обыденного знания (Г. Гарфинкель, П. Бергер, Т. Лукман, В. Барр); проблемам дискредитации различных групп населения (Э. Гоффман, Р. Коннелл, В.Н. Ярская); властным стратегиям распространения символических форм и значений в культуре (С. Холл, Д. Марли, Дж. Уоллкот). Исследованию процессов и феноменов современной (постмодернистской) западной и отечественной культуры посвящены использованные автором диссертации работы Ж. Бодрийара, П. Вирильо, Ж. Делеза, Ж. Деррида, В.А. Подороги, М.К. Рыклина, З.А. Сокулера, Ю. Хабермаса, М. Хайдеггера, Дж. Хартмана. При анализе основополагающих для диссертационного исследования понятий использовались концепции Ф. Бока, П. Бурдьё, Э. Гидденса. При рассмотрении ряда антропологических аспектов современной культуры использовались работы Э. Канетти, К. Леви-Стросса, В.Ю. Михайлина, Д.В. Михеля, М. Мосса. Авторское исследование символических и мифологических оснований тюремной субкультуры опирается на работы М.М. Бахтина, В.Я. Проппа, В.Н. Топорова. Анализ разнообразных культурных практик осуществлялся с использованием текстов Б.Е. Гройса, Л.М. Макаровой, И.Б. Паперно, В.З. Паперного, В.Б. Петухова, С.И. Трунева. Источниками, раскрывающими специфику культуры общества потребления, стали тексты Ф. Джеймисона, П. Дракера, А. Маслоу. Своеобразие советской и современной российской культур рассматривается в текстах С.Я. Булатова, М.И. Буянова, В.В. Кожина, Ю.Г. Круглова, Т.В. Владимировой, В. Люлечика, М.С. Трофименкова, Г.Г. Хазагерова.

Анализ тюремной субкультуры в рамках культурологического исследования и в теоретическом, и методологическом аспектах характеризуется новизной и многоплановостью. На фоне многочисленных и разнообразных исследований в области философии наказания, социологии преступности, теорий субкультур недостаточное внимание уделяется проблематике культурных последствий распространения ценностей тюремной субкультуры в пространстве доминирующей культуры. Среди отечественных исследований отсутствуют фундаментальные разработки, на основе которых можно выявить степень проникновения маргинальных ценностей в основные культур-

ные формы, а также разработать эффективную концепцию по преодолению последствий этого влияния. Решение подобных задач требует активизации исследований, направленных на анализ проблем тюремной субкультуры и последствий ее влияния на структуры доминирующей культуры. Существует потребность в разработке культурологического осмысления данной проблематики, с помощью которого возможно предложить оригинальные теоретические и методологические решения.

Объектом исследования является тюремная субкультура как источник культурных паттернов, ценностей и моделей поведения.

Предметом исследования являются механизмы репрезентации ценностей тюремной субкультуры в отечественной художественной культуре XX–XXI столетий.

Цель работы: культурологическая концептуализация механизмов репрезентации ценностей тюремной субкультуры в художественных текстах и кинотекстах, созданных российскими авторами в XX – начале XXI вв.

Для достижения намеченной цели автором были поставлены следующие задачи:

1) проследить формирование пенитенциарной системы как составной части социокультурного порядка с XVIII по XXI вв.; осуществить критическую рефлексию концепций реформирования пенитенциарной системы для объяснения изменений в функционировании современной системы наказания;

2) концептуализировать проблему влияния ценностей тюремной субкультуры на различные сегменты социальной и культурной жизни; зафиксировать присущие этому процессу характеристики;

3) провести критический анализ зарубежных исследований пенитенциарной субкультуры, разработать концептуальную модель структурообразующих признаков тюремной субкультуры, представив ее как доминантную структуру в процессе формирования ценностей и трансляции их посредством разнообразных культурных практик;

4) определить специфику отечественных исследований преступности, системы наказания и тюремной субкультуры для объяснения дискурсивных несоответствий между приоритетами классической пенитенциарной системой и социальными условиями и приоритетами отечественной культуры;

5) разработать методику проведения дискурс-анализа литературных текстов отечественных авторов, отбывавших наказание в местах лишения свободы, в целях выявления специфических типов дискурса о тюремной субкультуре, сформированных в отечественной художественной практике XX столетия;

6) выявить характеристики трех типов литературного дискурса о тюремной субкультуре, поэтапно сформировавшихся в отечественной литературе 40-90-х гг. XX столетия; определить социальную и культурную значимость дискурсов;

7) разработать методiku проведения анализа кинотекстов, посвященных тюремной субкультуре, в рамках которой кинотекст интерпретируется как специфическая культурная практика, воспроизводимая разнообразными социальными группами в повседневной жизни;

8) осуществить анализ моделей интерпретации ценностей тюремной субкультуры в отечественных кинотекстах XX-XXI столетий посредством анализа культурных кодов.

Гипотеза исследования основывается на следующем предположении: в условиях современной отечественной культуры проникновение ценностей тюремной субкультуры в основные сферы культуры – идеологию, моральные установки, художественное творчество – принимает все более отчетливый характер. Этот процесс происходит на фоне противоречий между декларируемыми принципами государственной политики в сфере исполнения наказаний и способами интерпретации тюремной субкультуры различными культурными практиками, в том числе в художественном творчестве. Динамика изменений способов репрезентации тюремной субкультуры в литературных произведениях и кинотекстах XX-XXI столетий отражает процесс постепенного проникновения маргинальных ценностей в доминирующую культуру.

Теоретические и методологические основы исследования

Теоретический фундамент исследования составили: информационно-семиотические концепции культуры (М.С. Каган, Ю.М. Лотман); постструктуралистские теории культуры (М. Фуко, Ж. Бодрийяр); неомарксистские теории культуры (Л. Альтюссер, А. Грамши); структурно-семиотические исследования (В.Я. Пропп, В.Н. Топоров); концепция структурного функционализма Т. Парсонса и теории социальных пространств (П. Бурдьё, Э. Гидденс); культурантропологические теории (Ф. Бок, Р. Редфилд, Э. Канетти); теории ценностей массовой культуры (А.В. Костина, Г.Л. Тульчинский, А.Я. Флиер); культурологические и социально-антропологические исследования разнообразных семиотических систем (А.В. Волошинов, М.Б. Ворошилова, М.А. Ефремова, К.Э. Разлогов, Г.Г. Слышкин, А.Р. Усманова, У. Эко, М.Б. Ямпольский, Е.Р. Ярская-Смирнова); исследования, посвященные дискурс-аналитической методологии (Т. Ван Дейк, Г.И. Зверева, Э. Лакло, Ш. Муфф, Н. Фэркло).

Методология и методы исследования определяются междисциплинарным характером темы, требующим обращения к различным социально-гуманитарным направлениям (культурология, философия культуры, социология культуры, антропология культуры). Основополагающей для диссертационного исследования является информационно-семиотическая методология исследования культуры; в рамках которой культура интерпретируется как совокупность знаков – культурных кодов, воплощающих базовую для культуры информацию. В соответствии с информационно-семиотической методологией формулируются основные для диссертационного исследования понятия: тюремная субкультура, ценности тюремной субкультуры, кон-

цепция исследования механизмов проникновения в различные сферы культуры ценностей тюремной субкультуры, также в рамках информационно-семиотической методологии проводится исследование литературных текстов и кинотекстов с выделением в них, соответственно, ключевых знаков и культурных кодов.

На различных этапах диссертационного исследования применялись такие методы, как компаративистский (сравнительно-исторический анализ пенитенциарных систем европейских государств и России XVIII-XX вв.); историко-юридический (анализ развития представлений о преступлении и способах наказания в европейской и отечественной культурах); системный (анализ соответствия способов наказания и типов преступности); типологический (выявление типов противозаконности в соответствии со способом наказания и образом преступника в конкретной историко-культурной ситуации); функциональный (определение функций, выполняемых разнообразными культурными формами – властью, знанием, тюремной субкультурой); контекстный (дискурс-анализ литературных произведений); семиотический (выявление культурных кодов в современных отечественных кинотекстах). Таким образом, оригинальность авторской методологии исследования тюремной субкультуры состоит в комплексном использовании перечисленных методов, объединенных в рамках информационно-семиотической методологии исследования культуры.

В качестве материала исследования используются литературные тексты, созданные как воспоминания авторов о пребывании в местах лишения свободы. В диссертации представлены результаты дискурс-аналитического исследования текстов следующих авторов: В.Ф. Абрамкина, В.А. Ажиппо, Л.А. Габышева, Е.С. Гинзбург, Ю.М. Даниэля, А.В. Жигулина, Л.З. Копелева, И. Кострова, З.А. Крахмальниковой, Н.Н. Лопатина, А.Т. Марченко, М.П. Новикова, А. Павлова, Л.Э. Разгона, Ф.Г. Светова, А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова. Также эмпирическая база диссертации включает анализ 25 отечественных кинотекстов, посвященных тюремной субкультуре, созданных во второй половине XX – начале XXI вв.

Соответствие темы диссертации требованиям Паспорта специальностей ВАК. Исследование выполнено в рамках специальности 24.00.01 – Теория и история культуры. Тема диссертации соответствует п. 18. Культура и общество; п. 20. Культура и субкультуры. Региональные, возрастные и социальные ориентации различных групп населения в сфере культуры; п. 32. Система распространения культурных ценностей и приобщения населения к культуре; п. 34. Культура профессиональных сфер деятельности (правовая, политическая, экономическая, административная и др.) Паспорта специальностей научных работников ВАК Министерства образования и науки РФ (культурология).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в концептуализации авторского подхода к исследованию тюремной субкультуры,

10

формировании основы нового направления – культурологической концепции проникновения ценностей тюремной субкультуры в различные сегменты культурной жизни, а также разработке авторской методологии исследования механизмов репрезентации тюремной субкультуры в художественных практиках. Новизна находит отражение в следующих позициях:

1) осуществлен авторский анализ важнейших этапов развития пенитенциарной системы с XVIII по XXI вв. с точки зрения изменения в европейской культуре принципов наказания, образа преступника и типов преступлений;

2) впервые представлена концептуализация авторского подхода к исследованию процесса проникновения ценностей тюремной субкультуры в пространство доминирующей культуры на основе исторического, социального и культурного аспектов;

3) критически обобщены и систематизированы с позиции культурологического знания зарубежные исследования тюремной субкультуры; осуществлен авторский анализ развития представлений о пенитенциарной системе и осужденных с целью оценки перспектив исследования тюремной субкультуры;

4) выявлены специфические культурные, политические и экономические черты в отечественной культуре, которые послужили причиной неэффективного функционирования европейской модели исправительных учреждений и привели к формированию уникальной по силе влияния отечественной тюремной субкультуры;

5) разработана оригинальная методика дискурс-анализа литературных произведений, интерпретируемых как дискурсивные практики, стремящиеся реализовать властную функцию в отношении иных типов высказывания о тюремной субкультуре;

6) впервые выявлены и детально охарактеризованы три типа дискурса о тюремной субкультуре (метафизический, рефлексивный и дидактический), сформировавшиеся в отечественной литературе XX столетия, отражающие принципиально разные идеологические и эстетические способы интерпретации тюремной субкультуры; определены эффективные барьеры на пути влияния тюремной субкультуры, сформулированные в рамках указанных типов дискурса;

7) разработана авторская методика анализа кинотекстов, интерпретируемых как культурные практики, влияющие на массовое сознание и повседневную культуру;

8) на основе оригинальной методики анализа кинотекстов маркированы характерные для советского кинематографа способы интерпретации тюремной субкультуры, построенные на двух противоположных принципах – пародийности и утопичности;

9) впервые описаны способы репрезентации тюремной субкультуры, используемые в отечественных кинотеках, основанные на принципе «когнитивной дискриминации».

Результаты диссертационного исследования автор формулирует как научные положения, выносимые на защиту:

1. Пенитенциарная система, сформировавшаяся в XVIII-XIX веках, испытывала влияние следующих стратегий: экономической (индустриальное общество), политической (различные формы представительской власти) и исследовательской (развитие знаний о человеке). Распространение влияния либеральных теорий, наделение всех групп населения равными гражданскими правами и интерпретация индивида как сложного биосоциального существа привели к появлению пенитенциариев, направленных на исправление осужденных и формирование социально приемлемых типов граждан. В современной культурной ситуации функционирование пенитенциарной системы не соответствует тем идеологическим основам, которые повлияли на ее формирование. Пенитенциарная система трансформируется в замкнутое самодостаточное пространство, не способное в полной мере эффективно реагировать на новые типы совершаемых преступлений. Общественно опасная преступная деятельность и социокультурные, экономические, гендерные характеристики преступника не подчиняются логике действующей системы наказания, основанной на принципах изоляции и исправления осужденного.

2. На процесс распространения ценностей тюремной субкультуры оказали влияние три аспекта: исторический, социальный, культурный. Исторический аспект заключается в следующем: в отечественной культуре исторический опыт не связывает исправительную систему с понятиями законности и справедливого наказания, а соотносит с такими понятиями как «произвол власти» или «превратности судьбы». Социальный аспект процесса определяется количеством осужденных и социальной диффузией тюремного населения. В местах лишения свободы оказываются представители самых различных социальных групп, которые в условиях барачной (артельной) системы содержания лишены индивидуального пространства и подвержены активному влиянию уголовной среды. Культурный аспект связан с тем, что нормы тюремной субкультуры, не подверженные рефлексии и критическому анализу, становятся частью повседневной культуры; они являются органичной составляющей повседневного языка, традиций, принципов взаимодействия между индивидами. Ценности тюремной субкультуры используются современными литературными текстами и кинотекстами, в которых они представлены неотъемлемой частью повседневной культуры.

3. С точки зрения информационно-семиотической методологии наиболее эффективным направлением исследования тюремной субкультуры может стать выявление в доминирующей культуре тех смыслов и знаков, которые способствуют проникновению ценностей тюремной субкультуры в различные сферы культуры. В настоящее время можно говорить о преобладании

структурно-функционального подхода к исследованию тюремной субкультуры, в рамках которого она представлена формально, через общую классификацию ролей и статусов. Как зарубежные, так и отечественные исследователи исходят из априорного противопоставления тюремной субкультуры остальному обществу. Подобная точка зрения связана с характерной для большинства работ идеологической предпосылкой – тюремная субкультура подрывает легализованный социальный порядок и необходимо выработать эффективные методы предотвращения ее влияния через систему адаптационных механизмов для осужденных, чтобы после освобождения они не становились источником распространения в обществе криминального образа жизни. Однако данная исследовательская позиция не объясняет механизмы формирования тюремной субкультуры, которые кроются в системе взаимодействий самого общества и культуры в целом.

4. Сравнительный анализ европейских концепций пенитенциарных систем и отечественного опыта создания пенитенциариев показывает, что в России формирование пенитенциарной системы сопровождалось недостаточным и непоследовательным изменением законодательной базы и не соответствовало устойчивым для отечественной культуры представлениям о таких ценностях, как «свобода», «жизнь» и «частная собственность». Расхождение принципов функционирования классической пенитенциарной системы с традиционными для отечественной культуры установками можно выявить в юридической, экономической и идеологической сферах, что привело к возникновению трех тенденций, сформировавшихся в отечественной культуре в XX веке: 1) идеализации определенных представителей тюремной субкультуры как источников критериев справедливости и законности, которые дискредитируют официальные принципы справедливости и свободы личности; 2) формирования системы нелегальных, внеправовых взаимосвязей и отношений, способной конкурировать с официальной властью; 3) неэффективных механизмов по локализации символического пространства тюремной субкультуры. Результатом совокупного влияния этих тенденций является проникновение тюремной субкультуры в структуры власти, идеологию, моральные установки, художественное творчество, то есть в основные культурные сферы.

5. Одним из динамичных культурных артефактов, содержащих примеры распространения ценностей тюремной субкультуры, выступают литературные произведения, посвященные местам лишения свободы и созданные в 40-90-е гг. XX столетия. Анализ способов репрезентации тюремной субкультуры в текстах позволяет проследить динамику механизмов ее влияния через художественные практики. Анализируемые литературные тексты рассматриваются в качестве частей конкретных дискурсивных практик, содержащих мифологические структуры, способы идентификации, стратегии борьбы и гегемонии, а не как результаты индивидуального художественного творчества. Любая дискурсивная практика в качестве конечного своего продукта по-

лагает производство системы представлений, знаний, институционально организованных и выраженных в определенных социальных практиках. Продуктивность дискурсивной практики определяется частотой воспроизводимости ее концепций в социальных институтах и практиках повседневной жизни. Игнорирование указанными системами дискурса приводит к тому, что он оказывается частью дискурсивного архива.

6. Анализ литературных произведений о тюремной субкультуре, созданных отечественными авторами в 40-90-х гг. XX столетия, выявил наличие трех типов дискурса. Первый дискурс – «метафизический» – связан с интеллектуальной отечественной традицией в литературе и его основная цель – «познать природу вещей», определить способы достижения истины. Второй дискурс – «рефлексивный» – относится к диссидентскому движению в отечественной культуре и направлен на утверждение экзистенциального, правового, социального статуса личности. Третий тип дискурса – «дидактический» – связан с массовой культурой и его целью является создание рекомендаций по взаимодействию с тюремной субкультурой. Изменения от метафизического и рефлексивного дискурсов к дидактическому представляют собой движение от исповедальности дискурса о тюремной субкультуре к его коммерциализации, от экзистенциальных установок к практицизму и функционализму, от поиска подлинности бытия к созданию текстовых симуляций, от дискурса научно-исследовательского к дискурсу массовой культуры.

7. В метафизическом дискурсе имеются следующие концептуальные установки, которые оказались невостребованными в современном культурном пространстве и способствовали его трансформации в дискурсивный архив. Во-первых, заявленная цель метафизического дискурса – сформировать механизмы защиты против уничтожения личности – при взаимодействии дискурса с реальностью лагерной жизни оказывается не достижимой и подменяется идеей физического выживания. Поставленную цель – доказать приоритет духовной жизни перед физическим выживанием – метафизический дискурс не сумел достичь. Во-вторых, метафизический дискурс принципиально отказывается от создания рекомендаций, разработки успешных моделей поведения в местах лишения свободы, утверждая уникальность экзистенциального опыта. Антипрагматичная направленность метафизического дискурса в условиях современной культуры интерпретируется как дискурсивный недостаток. В-третьих, требование метафизического дискурса распространить знания о тюремной субкультуре в обществе получило искаженный эффект – в общественном сознании не сформировались устойчивая неприязнь и нетерпение к тюремной субкультуре, а, напротив, последующими художественными практиками (кинотекстами, другими литературными дискурсами) был сконструирован героический образ осужденного, противостоящего несправедливой официальной власти.

8. Основными характеристиками рефлексивного дискурса являются: максимальная субъективизация, использование принципа «карнавальности»

при описании реальности, толерантное отношение к уголовной субкультуре в противовес абсолютному неприятию уголовной среды дискурсом метафизическим. К числу дискурсивных проблем, препятствовавших распространению рефлексивного дискурса, относятся: во-первых, обесценивание понятий «жизни» и «смерти» в системе высказываний рефлексивного дискурса, стремление продемонстрировать нелегитимность официальных стратегий наказания посредством разрушения абсолютной ценности – «жизни» – привело к возникновению ценностного вакуума и утрате идеологической целостности дискурса; во-вторых, рефлексивный дискурс отрицает возможность контроля внутреннего мира индивида со стороны официальной власти, оставляя вне критики дискурса властные технологии, направленные на контроль над индивидуальными потребностями и характеристиками личности; в-третьих, ирония и глубокое сомнение в эффективности собственной системы высказываний лишили рефлексивный дискурс возможности актуализоваться и быть поддержанным какой-либо социальной и культурной практикой.

9. Наиболее востребованным и тиражируемым последующими культурными практиками является дидактический дискурс, характеризующийся следующими чертами: экономическая целесообразность, совпадение со структурами повседневного мышления и речи, утрированная ритуализация тюремной жизни. Соответствие концептов дидактического дискурса о тюремной субкультуре характеристикам массовой культуры и общества потребления является главной причиной востребованности дидактического дискурса. В текстах дидактического дискурса используется большое количество распространенных в повседневной культуре метафор, психологические приемы устрашения, что сближает его с масс-медийным дискурсом. Система высказываний дидактического дискурса максимально сближается с лексикой, характерной для мест лишения свободы, определения которых репрезентируются дидактическим дискурсом как наиболее точные и адекватные современным реалиям. Ритуалы, традиции и ценности тюремной субкультуры представляются дидактическим дискурсом как эффективные стратегии по поддержанию социального порядка и справедливости. Главной чертой индивида с позиции дидактического дискурса должна быть способность быстро адаптироваться к сложившимся обстоятельствам.

10. Влияние дидактического дискурса о тюремной субкультуре и некоторые трансформации его базовых концептов можно обнаружить в кинотеках с криминальной тематикой, созданных в конце XX – начале XXI вв. Информационно-семиотическая методология позволяет интерпретировать кинотекст как совокупность сообщений, связанных между собой внутренней логикой, расшифровка и декодирование которых предусматривают не только понимание авторской точки зрения, но и интерпретацию зрительского восприятия, опирающегося на распространенные в той или иной степени культурные коды. Исходя из данного определения, в кинотеках выделяются «коды-образы» – характерные для определенной культуры коннотации, идеи, кото-

рые могут быть выражены через набор высказываний, визуальную систему, художественные образы, материально-предметный мир. Сюжеты фильмов рассматриваются как специфические культурные практики, которые воспроизводятся многочисленными группами людей в разнообразных ситуациях.

11. Анализ кинотекстов позволил выделить пять стратегий репрезентации тюремной субкультуры и в основе каждой из них находится механизм «когнитивной дискриминации», то есть смысл и значение одного явления преувеличиваются за счет припущения и искажения смысла и значения другого явления: 1) романтизация героя-осужденного осуществляется как через лингвистическую систему (сюжет, диалоги), так и нелингвистическую систему (характерная внешность героя, манера одеваться, музыкальные темы героя); 2) идеализация криминального сообщества и смысловое замещение таких понятий как преданность, дружба, служение, честь; 3) дискредитация официальной власти и окончательное слияние ее с криминальной и тюремной средой; 4) репрезентация гипертрофированных образов силы; 5) максимальное расширение метафоры тюрьмы, когда структура тюремной жизни воспроизводится большинством сфер человеческой жизнедеятельности.

Достоверность и обоснованность результатов исследования определяются непротиворечивыми теоретическими положениями, комплексным использованием теоретических парадигм, исследовательских подходов, корректным применением положений культурологии, философии культуры, социологии культуры. Выводы и интерпретации предлагаемого исследования соотношены с результатами других исследований, которые проводились зарубежными и отечественными авторами в рамках соответствующей тематики.

Теоретическая значимость обоснована тем, что в исследовании доказаны основные механизмы концепции репрезентации ценностей тюремной субкультуры художественными практиками, которая существенно расширяет представления о тюремной субкультуре, формирует основы для развития нового теоретического и прикладного направления – концепции проникновения ценностей тюремной субкультуры в различные сегменты культурной жизни. Проведенное исследование способствует развитию теории и методологии культурологии, теории субкультур, философии культуры, социологии культуры. Сочетание методологических и исследовательских ракурсов анализа тюремной субкультуры, последствий ее влияния на доминирующую культуру позволило выделить культурологический подход к анализу маргинальных субкультур, который способствует интегральному и ценностному осмыслению современных культурных процессов. Результаты диссертационного исследования имеют теоретическое и значение для разработки теоретических репрезентаций отдельных культурных феноменов, понимания механизмов распространения ценностей маргинальных, в данном случае тюремной субкультуры в повседневной культуре и художественных практиках, формирования правовых, социальных и культурных проектов, направленных

на гуманизацию способов наказания и социальных практик. Результаты и выводы, сформулированные в исследовании, составили основу ряда курсов, читаемых студентам, магистрантам и аспирантам гуманитарных и социальных специальностей, среди которых культурология, социология культуры, культура социальных групп и движений, философия искусства. Материалы диссертации были использованы для подготовки учебно-методических материалов, программы, которые используются в процессе обучения студентов кафедры культурологии. Научные выводы могут быть использованы в чтении специализированных курсов для работников учреждений культуры, общественных фондов, организаций по правам человека, благотворительных организаций и социальных служб.

Практическое значение результатов исследования подтверждается тем, что разработки диссертанта внедрены в образовательные программы для подготовки сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск и были апробированы в работе над грантами на исследовательскую деятельность: Российский гуманитарный научный фонд, проект № 07-03-93603 а/К, на подготовку монографии 2007-2008 гг.; Американский Совет Научных Сообществ, индивидуальный краткосрочный грант в области гуманитарных наук «Анализ норм, ценностей тюремной субкультуры в художественных фильмах 90-х гг. XX в. – начала XXI в.» 2008-2009 гг. В перспективе выводы, теоретические модели, практические рекомендации исследования могут быть положены в основу концепции формирования эффективных альтернативных способов наказания, построенных на принципах интеграции, культурной толерантности, и индивидуальном подходе.

Апробация основных результатов исследования

Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались на методологических семинарах и заседаниях кафедры культурологии СГТУ имени Гагарина Ю.А., на всероссийских и международных научных конференциях и конгрессах, среди которых наиболее значимы следующие: «Человек в современных социально-антропологических концепциях» (Волгоград, 2000); «Информационная цивилизация: пространство, культура, человек» (Саратов, 2000); «Проблема нормы и патологии: современные дискурсивные практики» (Саратов, 2002); «Современное российское общество: власть экспертизы» (Саратов, 2003); курсы Российской летней школы по гендерным исследованиям «Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские исследования» (Самара, 2003); Первый Российский культурологический конгресс (Санкт-Петербург, 2006); Международный научный симпозиум «Время культурологии» (Москва, 2007); Вторая международная научная конференция «Психология власти» (Санкт-Петербург, 2008); III Всероссийский социологический конгресс (Москва, 2008); Международная научная конференция «Филология – искусствоведение – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия» (Москва, 2009); Международная научная конференция «Социология и культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия» (Москва,

2010); I Международная конференция «Культурология в пространстве гуманитарной коммуникации» (Киев, 2010); Международная конференция «Феномен творческой личности в культуре» Фатищенковские чтения (Москва, 2010-2012); Третий Российский культурологический конгресс (Санкт-Петербург, 2010); Научно-практическая конференция «Социологические методы в современной исследовательской практике» (Москва, 2011-2012); VI Международная научно-практическая конференция «Спецпроект: анализ научных исследований» (Днепропетровск, 2011); Международный симпозиум «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития» (Одесса, 2011); Международный симпозиум «Достижения современной науки» (Одесса, 2012).

Публикации. Основные положения диссертации изложены в авторских монографиях, научных статьях и тезисах. Всего по теме исследования опубликовано 45 работ общим объемом 48,9 п.л.

Структура работы определяется целью и логикой раскрывающих ее исследовательских задач. Диссертация содержит введение, 4 главы (11 параграфов), заключение, библиографический список, включающий 310 наименований, 6 приложений. Общий объем диссертации – 349 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его объект, предмет, цель и задачи, определяется степень разработанности проблемы, научная новизна и практическая значимость, представляются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Развитие системы исправления преступника и формирование тюремной субкультуры в XVIII -XXI вв.**», состоящей из двух параграфов, представлена критическая концепция пенитенциарной системы как продукта либеральных экономических стратегий, демократических политических режимов и научно-исследовательских теорий; сформулировано авторское определение понятия «тюремизация отечественной культуры», как научной категории, определяющей специфику процесса проникновения ценностей тюремной субкультуры в структуры доминирующей культуры. В первой главе разработана модель соответствия способов наказания, специфики противоправных действий и образов преступника, с помощью которой определяются критерии эффективности и актуальности пенитенциарной системы.

В первом параграфе «**Принципы наказания XVIII-XXI вв. и модели их анализа: концептуализация проблемы**» проводится компаративистский анализ стратегий наказания, применяемых с XVIII века и до наших дней, выделяются экономические, политические, научно-исследовательские, морально-этнические тенденции, повлиявшие на возникновение и дальнейшее развитие пенитенциарной системы; формулируются культурные последствия функционирования современной исправительной системы. Хронологически первым анализируется просветительский проект системы наказания, пред-

ставленный в текстах И. Бептама, Ч. Беккариа, Дж. Говарда, Ш. Мотескье. Преступник трактуется авторами как некая универсальная единица, главной характеристикой которой выступает право на свободу. Акцент на гражданских правах индивида – это свидетельство распространения процессов гуманизации в обществе. Но универсализация и гуманизация уголовного права не стали барьерами на пути распространения в обществе дискриминационных практик и культурных предрассудков в отношении преступности и осужденных. Формирование пенитенциарной системы сопровождалось конструированием предубеждения и недоверия к осужденным. Следующая теория – концепция делинквентов Р. Гарофало, Ч. Ломброзо – является прямым следствием возникшего общественного недовольства исправительной системой и тюремным населением. Преступник с точки зрения теории делинквентов – это сосредоточие патологических симптомов, распознаванием и нейтрализацией должны заниматься эксперты – криминологи, психиатры, социологи и пр. Положения этой теории, пройдя ряд трансформаций через социальные практики, воплотились в тезисе, который используют современные государства в пенитенциарной политике: государственное наказание – это практика, продиктованная легитимирующими целями и ценностями, задача которых – принести максимальное благо обществу и свести к минимуму возможный вред. В исследовательской литературе подобная точка зрения получила определение – консеквенциалистская трактовка наказания. Идеологически эта концепция связана со scientisticким подходом к пониманию общества и технологиями социальной инженерии, подразумевающими возможности внесения корректировок и изменений в социальное бытие. На примере пенитенциарной системы эти идеи воплотились в известные практики морального порицания, перевоспитания посредством трудовой деятельности и образования правонарушителей.

Следующий важный этап в формировании современной пенитенциарной системы – это развитие альтернативных лишению свободы способов наказания. Диссертант проводит анализ международных документов, касающихся содержания осужденных, с применением историко-юридического метода. Делая вывод о развитии современных представлений об эффективном наказании, необходимо отметить усиление критического отношения к наказанию в виде лишения свободы и классическим пенитенциариям. Во-первых, рост критики связан с неэффективностью ограничения свободы как меры наказания. Во-вторых, тюремное население представляет собой наиболее маргинальную группу, и увеличение количества осужденных только способствует росту маргинального населения. В-третьих, под сомнение поставлена роль государства в системе наказания. Многочисленные нарушения прав осужденных и коррупция среди сотрудников пенитенциариев продемонстрировали несовершенство современной системы наказания. Критическое отношение к существующей системе наказания не привело к формированию абсолютно нового типа наказания; пенитенциарная система испытывает по-

верхностные, а не структурные изменения, сохраняя принципы своего функционирования.

Во втором параграфе «Изменение образа преступника и типов преступлений в современной культуре» в рамках обозначенных методологических перспектив диссертант формулирует основные положения концепции проникновения ценностей тюремной субкультуры в структуру доминирующей культуры. На построение авторской концепции повлияла идея Т. Парсонса о наличии интегративной подсистемы, отвечающей за взаимодействие различных сегментов общественной структуры. В соответствии с этой идеей автор делает вывод, что взаимодействие тюремной субкультуры с доминирующей культурой построено на принципе структурного соответствия: распространение определенного типа противоправных действий связано с наличием соответствующего типа правонарушителя и адекватной ему системы наказания. Автор предлагает классификацию противозаконных действий с соответствующим им типом наказания и контроля. В основу типологии противозаконных действий положен метод М. Фуко, который выделил два типа правонарушений, распространенных в XVIII и XIX столетиях в Европе: 1) противозаконности в области народного права; 2) противозаконности в области экономики, которым соответствуют два типа наказания – карательная практика суверенной власти и исправительная система паноптических пенитенциариев. В диссертации методология М. Фуко качественно перерабатывается и делается вывод, что в современном мире преступность и тюремная субкультура перешли на новый уровень соотношения: 1) корыстные преступления перестают восприниматься в культуре как наиболее опасные правонарушения; 2) появились новые формы преступности и соответствующие им типы преступников. В результате сформировался третий тип противоправных действий, определяемый диссертантом как общественно опасная преступность, направленный на подрыв здоровья населения и дезорганизацию структур жизнеобеспечения общества. Эффективная борьба с новым типом требует формулирования новых принципов наказания, отличных от принципов классической пенитенциарной системы. Акторы нового вида преступлений оказываются вне стратегий наказания, используемых классической системой наказания. Таким образом, опираясь на системно-интегративные концепции, автор делает вывод, что проникновение ценностей пенитенциарной субкультуры в различные сегменты доминирующей культуры является ответом на неэффективное и неадекватное функционирование пенитенциарной системы. Отличительной характеристикой ценностей тюремной субкультуры является то, что их формирование происходило в условиях противостояния двум взаимосвязанным между собой системам ценностей: официальной, выраженной режимными правилами и культурой администрации пенитенциариев, и ценностям гражданского общества. Особности мест лишения свободы (такие как изоляция, ограничение свободы перемещения, действия, выбора общения) стали причиной формирования

ценностного ряда, номинально использующего ценности доминирующей культуры, но предлагающего иную систему интерпретации ценностей. Процесс распространения ценностей пенитенциарной субкультуры диссертант описывает с помощью понятия «тюремизация». В диссертации дается определение понятия, выделяются три аспекта (исторический, социальный, культурный), способствовавшие появлению и распространению этого явления, а также выделяются девять параметров «тюремизации» культуры.

Во второй главе «**Методология исследования тюремной субкультуры в зарубежной и отечественной традициях**», состоящей из двух параграфов, проводится компаративистский анализ исследований тюремной субкультуры зарубежными и отечественными авторами. Исследователи пенитенциариев и тюремного населения не только представили пенитенциарную (тюремную) субкультуру как сложнейший и актуальнейший объект исследования, но и задали определенный вектор интерпретации тюремной субкультуры. Также во второй главе предлагается авторское определение тюремной субкультуры, проводится теоретическое разграничение между авторским понятием «тюремизация» и используемыми исследователями терминами «криминализация» и «призонизация».

Во втором параграфе «**Основные характеристики зарубежной традиции исследования пенитенциариев XX-XXI вв.**» диссертант проводит критический анализ текстов европейских и американских авторов, концептуализировавших проблемы осужденных, разработавших механизмы их адаптации, и намечает возможные культурологические перспективы исследования тюремной субкультуры. Первыми концепциями, в которых тюремные сообщества становятся центральными объектами исследования, являются теории криминальных субкультур, разработанные Р. Мертоном, Т. Селлином, А. Коеном. В этих исследованиях была выявлена связь между распространением противоправных действий и наличием сообществ, культивирующих ценности и нормы поведения, противоречащие доминантной культуре. Одним из самых перспективных и эффективных направлений в изучении тюремной субкультуры является группа исследований, определяемая как социология наказания (Д. Ирвин, Дж. Кассебаум, Д. Клеммер, Р. Морган, Г. Сайкс, Д. Уорд). Отправной точкой этих исследований служит представление о том, что современный тип тюрьмы формируется на пересечении трех факторов: контролируемого пространства (архитектура зданий тюрьмы), контролируемого времени (режим) и контролируемой трудовой деятельности (проект ресоциализации преступника). Концептуальным фундаментом этого направления стали работы А. Лефевра, Э. Гидденса и М. Фуко. Основной проблемой для этой группы исследований становится формулирование наиболее эффективных способов поддержания порядка и легитимности в местах лишения свободы, то есть создание барьеров на пути формирования тюремной субкультуры внутри пенитенциарной системы. Авторы выявляли латентные механизмы и мировоззренческие установки, кото-

рые способствовали снижению у осужденных стремления к самоорганизации и противостоянию администрации. Исследования проводились в двух направлениях: разработка типологии осужденных и изучение характера взаимодействия общества с местами лишения свободы. Связь тюремной субкультуры с социальными, политическими и экономическими процессами интерпретировалась исследователями прямолинейно, авторы предпочитали утверждать одностороннее влияние официальной культуры на осужденных, отказываясь видеть обратную связь тюремной субкультуры и доминирующей культуры. Взаимодействие между субкультурой исправительных учреждений и доминантной культурой может носить искаженный характер: многие социальные факты и культурные явления, приветствуемые в обществе, в условиях изоляции приобретают негативную окраску.

Институциональный подход к анализу тюремной субкультуры предполагает рассмотрение ее специфики в зависимости от характеристик того институционального пространства, в котором она сформирована, т.е. от характеристик исправительной системы. Различные интерпретации этого подхода прослеживаются в текстах М. Вебера (бюрократизация как основная черта пенитенциарной системы), Э. Гоффмана (тотальная институционализация), Э. Гидденса (пенитенциарии как абстрактные системы), М. Фуко (взаимосвязь практического действия – наказания – с идеальной системой знания). Главный недостаток этого подхода заключается в том, что авторы воспроизводят официальную точку зрения на пенитенциарную субкультуру, видя ее продуктом официальных, государственных стратегий наказания. Рост осужденных женщин и несовершеннолетних привел к появлению исследований, специализирующихся на соответствующих группах. В текстах Р. Кловарда, Л. Олин, Ф. Адлер и др. выявляется специфика содержания осужденных женщин и подростков, учитывая психологические, социальные особенности этих групп. В развитии этого направления можно выявить следующую тенденцию: если первоначально исследователи репрезентировали женщин и подростков в местах лишения свободы как нонсенс и отказывали им в возможности сформировать особую систему отношений (Д. Уорд, Дж. Кассебаум), то в последнее время субкультуру женских пенитенциариев и колоний для несовершеннолетних рассматривают в качестве специфических сегментов пенитенциарной субкультуры, где характеристики «пол» и «возраст» коррелируют с другими социальными стигмами: «раса», «этнос», «статус».

Суммируя предыдущие исследования, диссертант делает вывод, что тюремная субкультура представлена в них формально, через общую классификацию ролей и статусов. Авторы, несмотря на теоретические различия, исходят из общего априорного противопоставления тюремной субкультуры обществу. Субкультура пенитенциариев интерпретируется как внешний негативный раздражитель, а не составная часть общественной системы. Подобная исследовательская проблема связана с характерной для большинства работ

идеологической предпосылкой – тюремная субкультура подрывает официальную систему отношений и необходимо выработать эффективные методы предотвращения ее влияния через механизм адаптации осужденных, чтобы после освобождения они не рассматривались в качестве источника маргинальных ценностей. Однако столь прямолинейная позиция не объясняет механизмы формирования тюремной субкультуры, которые, несомненно, кроются в системе взаимодействий общества в целом. Поэтому наиболее эффективным представляется иной исследовательский взгляд на тюремную субкультуру – необходимо выявить те социальные и культурные диссонансы, которые позволяют преступному поведению из индивидуального акта трансформироваться в общественное явление.

Во втором параграфе «**Российская исправительная система и тюремная субкультура в исследовательской литературе XIX-XXI вв.**» выявляется специфика формирования тюремной субкультуры в России. Расхождение российской пенитенциарной системы с европейским аналогом диссертант прослеживает в двух направлениях: теоретическом и социокультурном. Во-первых, были проанализированы теории российских авторов, связанные с философией наказания, исследованием практик наказания и тюремных субкультур. Во-вторых, были выявлены социальные условия, культурные установки и предпосылки, в которых формировались пенитенциарная система и тюремная субкультура.

Диссертант предполагает, что выдвинутая Дж. Локком формула «жизнь, свободы и имущество», являющаяся идеологическим фундаментом пенитенциарной системы в европейских государствах, в условиях российской культуры была искажена и оказалась не востребованной. Принципы «жизнь, свободы и имущество» не признавались в качестве абсолютных ценностей в равной степени всеми группами населения. Триада министра просвещения графа С.С. Уварова заслонила в России приоритеты европейского либерализма. Автором было установлено противоречие между приоритетами официальной власти, фундаментальными теоретическими исследованиями, общественными ожиданиями, с одной стороны, и условиями, необходимыми для эффективного функционирования пенитенциарной системы – с другой. В XIX столетии в России, когда формировалась пенитенциарная система, и теоретические, и культурные, и социальные предпосылки были направлены на разрушение идеологической основы пенитенциарной системы. Диссертант делает вывод, что особенности восприятия в российской культуре таких феноменов как «власть», «религиозность» и «общинность» привели к искажению европейской модели пенитенциариев, которое выразилось в минимизации исправительной и интенсификации карательной функции пенитенциарной системы. На протяжении достаточно долгого исторического периода государственная власть игнорировала сформировавшуюся в исправительных учреждениях культуру. Усиление дискриминационных практик в отношении осужденных является одной из основных причин

формирования в российской культуре монолитной и уникальной по силе воздействия пенитенциарной субкультуры, которая поглощала все иные формы организации, оказывающиеся в пространстве пенитенциариев, – субкультуру политических осужденных и субкультуру администрации. В советский период, несмотря на декларируемую официальной властью исправительно-трудовую политику в сфере наказания, пенитенциарная система продолжала использовать дискриминационные практики в отношении осужденных, что было доказано автором в ходе анализа периодической специализированной литературы 60-80 гг. XX в. В постсоветский период противоречия и несоответствия в функционировании пенитенциарной системы усилились, что выражается в двух направлениях: административном (примеры дискриминационного отношения к осужденным со стороны администрации, антигуманные способы содержания осужденных, нарушение их прав) и культурном (воздействие пенитенциарной субкультуры на систему общественных отношений).

Проследив исторические и социокультурные корни формирования отечественной пенитенциарной системы, автор приходит к выводу, что идеология классических пенитенциариев в условиях отечественной действительности оказались неустребованными, так как: 1) официальные принципы отношения к населению не соответствовали либеральной концепции благосостояния населения; 2) правовая культура находилась на достаточно низком уровне, и ее влияние корректировалось культурой религиозной, которая крайне осторожно относилась к идеям рационализации и индивидуализации; 3) право собственности не стало доступным в равной степени для всех групп населения в России. Результаты этих противоречий выражены в искажении ресоциальной функции пенитенциарной системы, распространении в обществе устойчивого представления о «презумпции виновности» граждан, воспроизведении принципов субкультуры исправительных учреждений в общественной жизни.

В третьей главе «**Особенности репрезентации тюремной субкультуры в отечественной литературе XX века**», состоящей из четырех параграфов, представлена авторская методика проведения дискурс-анализа литературных текстов, а также выявлены и проанализированы три типа дискурса о тюремной субкультуре – метафизический, рефлексивный, дидактический, – представленные в отечественной художественной литературе XX столетия. В первом параграфе «**Параметры исследования литературных источников: методика проведения дискурс-анализа**» с позиции информационно-семиотического подхода критически анализируются дискурс-аналитические концепции, спорные категории дискурс-анализа, такие как «субъект дискурса», «борьба дискурсов», «дискурсивная практика», «идеология», разбираются примеры дискурс-аналитических методик (Э. Лакло и Ш. Муфф, Н. Фэркло, Р. Пирса), предлагаются авторская трактовка дискурс-аналитической методологии и оригинальная методика анализа литературных произведений, представляющих собой слабоструктурированные тексты.

Дискурс трактуется автором как система взаимообусловленных смыслов, конструируемых определенными типами высказываний, позволяющих определить эпистемологическую среду, в которой разворачивается процесс организации различных дискурсивных практик. Литературные тексты в рамках этой методологии являются частью дискурсивных практик и содержат основные элементы дискурсов. Главной целью дискурса автор считает институциональное закрепление дискурсивных категорий, то есть переход дискурсивной практики в социальную. Следовательно, ценность дискурса связана с частотой использования его категорий социальными практиками. Авторская программа дискурс-аналитического исследования включает: 1) определение узловых точек в дискурсе; 2) построение цепочки эквивалентных понятий, раскрывающих смысловой контекст узловых точек, подразумеваемый конкретным дискурсом; 3) определение социальных мифов, с помощью которых в дискурсах устанавливаются иерархические связи, а также определяется социальное пространство, где эти иерархические цепочки признаются легитимными; 4) выявление способов идентификации, используемых определенным дискурсом, т.е. понятия, связанные с идентичностью, соотношением с группой; 5) определение понятий, с помощью которых выражается дискурсивный конфликт, и выявление дискурсов-антагонистов по отношению к исследуемому дискурсу; 6) оценка роли дискурса в формировании современных дискурсивных практик.

Анализируя тексты 40-90-х гг. XX столетия, написанные как воспоминания о нахождении авторов в местах лишения свободы, диссертант выделяет три типа дискурса, анализу которых посвящены последующие параграфы третьей главы. Тексты все трех типов дискурсов были разбиты на тематические разделы, этим тематическим разделам были даны определения и именно общие для всех текстов разделы-определения и были взяты в качестве узловых точек, которыми выступают дихотомичные категории: 1) «тюрьма» – «свобода»; 2) «власть» – «безвластие»; 3) «знание» – «вера»; 4) «жизнь» – «смерть». Анализ парных узловых точек является структурно-организующим звеном в исследовании, позволяющим сравнивать дискурсы и оценивать их влияние на современные дискурсивные практики.

Во втором параграфе «История ГУЛага в литературных произведениях: основные характеристики метафизического дискурса» выявляются характеристики дискурса о пенитенциарной субкультуре, сформировавшегося в 40-50-е гг. XX в. Этот тип дискурса связан с профессиональной литературной традицией и назван диссертантом «метафизический дискурс». Его основная цель – «познать природу вещей», определить способы достижения истины. К этому типу отнесены произведения: Е.С. Гинзбург, А.В. Жигулина, Л.З. Копелева, Л.Э. Разгона, А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова. Отличительными чертами метафизического дискурса являются следующие смысловые конструкции: тюрьма как испытание, уникальность опыта и знаний осужденного, принципиальное дистанцирование от

криминальной среды, персонификация власти и обличение официальных властных доктрин.

Первая пара основных знаков «тюрьма – свобода» включает в метафизическом дискурсе следующие когнитивные пласты: 1) онтологические границы дискурса, которые выражаются концептом «тюрьма – форма бытия»; 2) социальные границы дискурса, которые обозначаются концептом «тюрьма – это форма социальной жизни»; 3) экзистенциальные границы, выражены концептом «тюрьма – как форма самосознания»; 4) границы географические утверждаются посредством концепта «тюрьма как континент». В отношении власти в рамках метафизического дискурса формируется концепт «власть как форма уничтожения индивидуального/различий». Утверждение этого концепта в текстах сопровождается стратегией максимальной персонификации власти, направленной на разоблачение властных дискриминационных механизмов. Основная когнитивная конструкция, которая выражает знак «знание – вера» в метафизическом дискурсе, заключается в утверждении: «знание – глубоко индивидуальный акт, исключающий возможность трансляции и передачи». В связи с этим в текстах метафизического дискурса наблюдается масштабная критика легитимных способов производства знания и разоблачение разнообразных научных, культурных и социальных симуляций, которые инспирировались официальной властью.

Метафизический дискурс формирует несколько вариантов интерпретации знака «жизнь» – «смерть». Во-первых, в текстах утверждается концепт «жизнь как интенсификация всех физических ресурсов»; во-вторых, «смерть» интерпретируется метафизическим дискурсом как «уступка власти», следовательно, «жизнь» интерпретируется как «сопротивление власти». И существует третья важная коннотация в узловом знаке «жизнь – смерть», на которую обращает внимание дискурс метафизический. Представители официальной власти, те, кто находится на нижней ступени иерархической лестницы и кто непосредственно взаимодействует с осужденными, формируют свое понимание смерти в пространстве тюрьмы – «смерть – это прибыль». Затем эта идея коммерциализации «жизни» и «смерти» будет развиваться дискурсом рефлексивным, а в дидактическом дискурсе станет основополагающей при интерпретации узлового знака «жизнь» – «смерть». Диссертант делает вывод, что актуализация метафизического дискурса социальными практиками была затруднена по трем причинам: 1) неразрешенная дихотомия духовной жизни и физического выживания; 2) антипрагматичная направленность текстов; 3) утверждение внеинституциональной формы знания.

Параграф третий «Советская исправительная система 60-80-х гг. XX столетия в интерпретации рефлексивного дискурса» посвящен выявлению основных характеристик рефлексивного дискурса, который диссертант связывает с диссидентским движением. Базовые концепты рефлексивного дискурса направлены на утверждение экзистенциального, правового, социального статуса личности. В качестве объектов дискурс-аналитического

исследования были выбраны тексты: Ю.М. Даниэля, Ф.Г. Светова, З.А. Крахмальниковой, А.Т. Марченко.

Во многом рефлексивный дискурс является наследником дискурса метафизического, но в категориях, используемых при интерпретации тюремной субкультуры, появляются новые смысловые конструкции, такие как: 1) максимальная субъективизация, 2) карнавальность, 3) представление реальности как абсурда, 4) постепенное слияние с уголовной субкультурой. Меняются также и концепты, составляющие содержание основных знаков. Знак «тюрьма – свобода» получает в рефлексивном дискурсе следующую интерпретацию: 1) онтологические границы определяются концептом «тюрьма – это другой мир»; 2) социальные границы связаны с концептом «тюрьма – это специфическая форма социальной жизни»; 3) экзистенциальные границы определяет концепт – «тюрьма – это абсурд», и нахождение в лагере не может восприниматься в качестве испытания или духовного поиска, как предполагал дискурс метафизический; рефлексивный дискурс постулирует – «тюрьма это уничтожение и моральное, и физическое индивида». От определения географических границ знака «тюрьма» – «свобода» рефлексивный дискурс отказывается, утверждая тем самым наличие тотального влияния тюремной субкультуры на различные сегменты культуры.

Рефлексивный дискурс предлагает принципиально иные определения знака «власть» – «безвластие». Интерпретация власти осуществляется через три концепта: 1) с позиции отношения индивида к власти: «власть» – это «бесконтрольная структура»; 2) с позиции отношения власти к индивиду: «власть как форма уничтожения самостоятельности»; 3) с функциональной точки зрения утверждается «симуляционность официальной власти». От метафизического дискурса дискурс рефлексивный наследует интерпретацию ключевого знака «знание» – «вера». Но в текстах еще больше, чем прежде, делается акцент на проблеме производства видимостей. «Знание» как используемая в общественной системе информация интерпретируется рефлексивным дискурсом исключительно с точки зрения технологий производства видимостей. Наибольшему изменению в рефлексивном дискурсе подвергся знак «жизнь» – «смерть». По сути, рефлексивный дискурс отказывается от интерпретации «жизни», т.к. существование в пространстве тюрьмы абсурдно, и сосредотачивает свое внимание на концептах, связанных с интерпретацией смерти. Во-первых, рефлексивный дискурс продолжает и усиливает репрезентацию концепта «смерть – это прибыль», указывая на утилитарное отношение к индивиду со стороны официальной власти и других людей. Во-вторых, через ряд смысловых метаморфоз (удивление – ужас – безразличие) «смерть» в текстах рефлексивного дискурса, так же как и «жизнь», теряет смысл и экзистенциальное значение. Диссертант приходит к выводу, что обесценивание знака «жизнь» – «смерть» и внутренне противоречивая концепция официальной власти в системе высказываний рефлексивного дискур-

са являются причинами невостребованности рефлексивного дискурса последующими практиками.

В четвертом параграфе «Способы изображения тюремной субкультуры 90-х гг. XX столетия дидактическим дискурсом» проводится анализ текстов непрофессиональных авторов, оставивших воспоминания о своем пребывании в местах лишения свободы в 90-е гг. XX в. (В.А. Ажиппо, И. Костров, Н.Н. Лопатин, Л.А. Габышев, А. Павлов, В.Ф. Абрамкин). Тексты были объединены диссертантом под рубрикой дидактический дискурс, который связан с массовой культурой. Целью дискурса является создание рекомендаций, своеобразного «навигатора» по тюремной субкультуре. Дидактический дискурс использует смысловые конструкции, абсолютно противоположные тем, что были выявлены в метафизическом и рефлексивном дискурсах. Тремя главными чертами дидактического дискурса являются: экономическая целесообразность, совпадение со структурами повседневного мышления и речи, утрированная ритуализация тюремной жизни. Дидактический дискурс формирует следующие концепты в отношении основных знаков: 1) знак «тюрьма» – «свобода» представлен через концепт «тюрьма – это место для всех», и вытекающий из него вывод – «тюрьма – это обыденность»; 2) знак «власть» – «безвластие» получает экономическую интерпретацию и любая властная стратегия – это «способ получения выгоды» для представителей официальной власти и описания официальной власти максимально сближается с описанием преступных структур; 3) знак «знание» – «вера» сводится к понятиям «приспособление» и «научение», и эффективным знанием объявляется «понимание внутренней логики функционирования обыденной жизни; интерпретация «веры» переходит исключительно на утилитарный уровень; 4) знак «жизнь» – «смерть» предельно коммерциализируется и «жизнь» рассматривается как «прибыль для различных форм власти».

Диссертант делает вывод, что именно концепты дидактического дискурса становятся наиболее востребованными различными социальными и другими дискурсивными практиками. Это становится возможным по следующим причинам: 1) дидактический дискурс полностью отказывается от исследовательской структуры текстов, он запугивает, нагнетает, использует большое количество распространенных в повседневной культуре метафор, что сближает его с масс-медийным дискурсом; 2) ритуалы, традиции, социальные установки тюремной субкультуры представляются дидактическим дискурсом как единственно возможные стратегии по поддержанию социального порядка и справедливости; 3) система высказываний дидактического дискурса максимально сближается с тюремной лексикой, определения которой утверждаются как наиболее точные и адекватные современным реалиям.

Диссертант выявляет следующую тенденцию в изменении дискурсов: от утверждения духовных ценностей к интенсификации физических, витальных потребностей. На страницах текстов метафизического и рефлексивного дискурсов персонажи читают, спорят, думают; в произведениях дидактиче-

ского дискурса – едят, делят посылки, играют в азартные игры. Тексты метафизического дискурса создавались для того, чтобы последующие поколения читателей «помнили» о произошедшем и «не допустили» возобновления ГУЛага (Л.Э. Разгон), т.к. сама идея повторения масштабной лагерной системы неприемлема для метафизического дискурса. Дидактический же дискурс конструирует свои тексты для того, чтобы «знали, что нужно делать в тюрьме» (В.А. Ажиппо), априори допуская и наличие дискриминационной пенитенциарной системы, и возможность оказаться там «любого гражданина» (И. Костров). Диссертант делает вывод, что в разностороннем движении трех дискурсов заключается и главная культурологическая проблема. Дискурсы метафизический и рефлексивный предполагали наличие сознательной части населения, граждан, которые способны сопротивляться дискриминационным механизмам. Дискурс дидактический полагает, что население – это инертная масса, способная лишь эффективно приспосабливаться к сложившимся обстоятельствам.

В четвертой главе «Трансляция ценностей тюремной субкультуры в российском кинематографе», состоящей из трех параграфов, диссертант анализирует кинотексты, посвященные тюремной субкультуре, предварительно представив критический анализ кинотеорий и предложив авторскую методику проведения анализа кинотекста в соответствии с информационно-семиотическим подходом.

В первом параграфе «Авторская методика исследования кинотекстов» диссертант разрабатывает основные этапы проведения анализа кинотекстов и предлагает анализ теоретических и методологических вопросов, связанных с определением понятия «кинотекст» и теми затруднениями, которые возникают при исследовании визуального материала. Теоретически и методологически авторскому исследованию близки три направления в анализе кинотекстов. 1. Группа исследований, связанных с традицией кинокритики и рассматривающих киноискусство как автономный, самодостаточный способ высказывания (В. Подорога, К. Разлогов, М. Ямпольский). 2. Социально-антропологические направления в анализе кинотекстов, для которых киносценарии и кинотехники являются неотъемлемой частью социальной реальности и изменения кинотекстов прежде всего связаны с трансформациями в структурах социальных отношений (Т. де Лаурентис, А.Р. Усманова, Е.Р. Ярская-Смирнова). 3. Философско-семиотическое направление, в котором кинотексты представлены в качестве специфических метафизических, гносеологических и семиотических проектов, предлагающих новые способы как существования (кинореальность), так и означивания (килообразы) (Ж. Делез, Ж.-Л. Нанси, У. Эко).

Для выявления в художественных практиках способов репрезентации тюремной субкультуры диссертантом было проанализировано 25 кинотекстов конца XX – начала XXI вв., использующих в сюжетной канве, в образе персонажей принципы и нормы тюремной субкультуры. В киноматериалах

были выделены «коды-образы» – характерные для определенной субкультуры коннотации, идеи, которые могут быть выражены через набор высказываний, визуальную систему, художественные образы, материально-предметный мир и пр. Диссертант, вслед за Е.Р. Ярской-Сирновой, считает, что кинотекст является интерактивной единицей, возникающей на пересечении художественного образа, рожденного чьей-то творческой фантазией, и восприятия зрителя, усвоившего в той или иной степени культурные коды своей эпохи. Поэтому «коды-образы», представленные в кинотекстах, не только выражают мнение авторов фильма (режиссера, сценариста, оператора, актеров и др.) о какой-либо проблеме, но и, в зависимости от объема аудиторной, просмотревшей фильм, оказывают влияние на формирование представлений о различных социальных институтах, практиках, отношениях и т.д.

Сюжеты фильмов рассматривались диссертантом как специфические культурные практики, которые воспроизводятся многочисленными группами людей в разнообразных ситуациях. Следовательно, кинотекст выступает в качестве системы кодов, с помощью которых воспроизводятся представления о преступном и законном, справедливом и несправедливом, истинном и ложном. Диссертант приходит к выводу, что с помощью кинотекста можно ответить на вопрос, каким образом формируются и транслируются значимые для современной культуры смыслы и символы, можно проследить смысловые, культурные, социальные трансформации в отношении различных ценностей. Анализ кодов осуществлялся по следующей схеме: 1) определение кода и его описание; 2) выявление основных способов репрезентации кода в кинотексте; 3) исследование коннотаций данного кода; 4) генезис кода в историческом контексте; 5) поиск сходных кодов в других текстах; 6) вывод о месте кода в общей структуре ценностей. Выделение кодов основано на функциональной значимости их в пространстве кинотекста. Киноматериал был разделен диссертантом на функционально значимые темы, определяющие сюжетную линию, характеры персонажей, построение диалогов, символическую образную систему (символы дороги, времени, природных сил и т.д.), материальный мир (интерьер, одежда, вещи), ландшафты (урбанистический, сельский). В результате было выделено восемь основных кодов, посредством которых репрезентируются пенитенциарная система и тюремное население в кинотекстах: 1) «герой-одиночка»; 2) «персонаж-проводник»; 3) «преступное сообщество»; 4) «власть»; 5) «закон»; 6) «сила»; 7) «свой и чужой»; 8) «дом».

Во втором параграфе «Репрезентация исправительной системы советским кинематографом» выявляются и концептуализируются способы репрезентации тюремной субкультуры в советском кинематографе. Одной из особенностей репрезентации пенитенциарной субкультуры в указанный период является официальное отрицание наличия этого явления в советской действительности. Хотя определенный дискурс о местах лишения свободы и криминальном сообществе допускался, он контролировался официальной

властью и допускал представление тюремного мира как исключения в конструкции советского общества.

В советском кинематографе существуют два кинотекста, которые представляют собой противоположные полюсы возможного дискурса о тюремной субкультуре – это дискурс-пародия, представленный в киноленте «Джентльмены удачи» (1972 г.) и дискурс-утопия в кинофильме «Калина красная» (1973 г.). Эти кинотексты выражают две дискурсивные крайности: с одной стороны, фарс, где тюрьма и ее порядки – это инспирированный официальной властью спектакль, с другой – это утопия, в которой возвращение к жизни после колонии происходит на фоне деревенской идиллии. Особое внимание при анализе данных кинотекстов было уделено кодам «герой-одиночка», «криминальное сообщество», «власть», «свой и чужой», «дом», т.к. именно эти коды получают оригинальную трактовку в кинотекстах.

Анализируя советские фильмы, нельзя забывать о цензуре, которая вряд ли бы допустила реалистичный рассказ о тюремной субкультуре в кинолентах. Диссертант делает вывод, что важна сама форма высказывания о тюрьме, которую избрали авторы кинолент: пародию и утопию. В кинотекстах «тюрьма» оказывается символическим пространством, испытывающим душу, характер человека и одновременно очищающим ее от бездуховности, выводящим из нравственного тупика; «тюрьма» есть метафора индивидуальной человеческой судьбы. Тюрьма как социальное пространство, как государственный институт оказывается вне официального дискурса. Многолетнее замалчивание существования тюремной субкультуры обернулось тем, что с развалом советского строя, отказом от цензуры на экраны вышло множество кинолент о пенитенциарной системе и криминальном мире, которые соперничали друг с другом в количестве сцен насилия и использовании испортивной лексики. Однако подобный натурализм при изображении тюремной субкультуры (многие режиссеры снимали сцены в интерьерах настоящих тюрем и колоний) обернулся лженатурализмом и формированием новых мифов и утопий о тюремной субкультуре.

Еще одним способом репрезентации тюремной субкультуры в советский период были кинотексты, посвященные годам репрессий. Диссертант сравнивает модели интерпретации темы ГУЛага в кинотекстах советского периода «Холодное лето 53-го» (1988 г.) и «Руфь» (1989 г.) с современными кинотекстами «Свободы» (2005 г.) «Фартовый» (2006 г.). В процессе анализа кодов диссертант приходит к выводу, что кинотексты 80-х гг. XX в. по структуре и смыслу связаны с метафизическим дискурсом литературных текстов, а кинотексты начала XXI в. воспроизводят концепты дидактического дискурса и соответствуют общим тенденциям массовой культуры и общества потребления.

Основные отличия в репрезентации тюремной субкультуры заключаются в том, что в постсоветских кинотекстах: 1) уголовная среда «идеализируется» и представляется как источник альтернативных форм власти и порядка,

которые утверждают принципы справедливости; 2) судьба героев в ГУЛАГе представлена как авантюрное приключение, в котором противостояние официальной (дискриминационной) власти превращается в увлекательную постановку с эффектными побегами, погонями, драками, из которых главный герой обязательно выходит победителем. ГУЛАг в современных кинотекстах из явления, драматично повлиявшего на развитие отечественной культуры в XX веке, отголоски влияния которого ощущаются до сих пор, трансформируется в сказочное пространство, в котором возможно все: победа одинокого героя в конфликте со всеми кастами тюремного сообщества, противостояние с официальной властью, обретение личного счастья. В то же время современные кинотексты не преподносятся как фарс или комедия, авторы позиционируют кинотекст как серьезное произведение, основанное на исторических фактах. Учитывая методологическую предпосылку при анализе киноматериалов, – кинотекст построен как мышление – можно с большой долей уверенности заключить, что распространение «авантюрно-приключенческой» формы репрезентации истории ГУЛАга ведет к окончательному вытеснению из повседневной риторики таких понятий как достоверность, историческая правда, и способствует разрушению последних барьеров на пути проникновения ценностей тюремной субкультуры.

В третьем параграфе «Тюремная субкультура конца XX – начала XXI столетий в постсоветских кинотекстах» осуществляется анализ содержания кодов, посредством которых представлена тюремная субкультура в кинотекстах: «Антикиллер» (2002 г.), «Атлантида» (2007 г.), «Бандитский Петербург» (2000 г.), «Беспредел» (1989 г.), «Брат» (1997 г.), «Брат-2» (2000 г.), «Бригада» (2002 г.), «Бумер» (2003 г.), «Бумер-2» (2006 г.), «Геній» (1991 г.), «Зона. Тюремный роман» (2005 г.) «Клетка» (2001 г.), «Next» (2002 г.), «Нина» (2002 г.), «Тюремный романс» (1994 г.), «Тюрьма особого назначения» (2007 г.), «Учитель в законе» (2007 г.).

В кинотекстах на основе диалогов, сюжетных линий, особенностей визуального языка выявляются основные характеристики кодов «герой-одиночка», «персонаж-проводник», «преступное сообщество», «власть», «закон», «сила», «свой и чужой», «дом». Код «власть» в кинотекстах тесно связан с понятием «произвол власти», так как распространенные в обществе способы управления не упорядочивают общественную систему, а разрушают ее изнутри. Власть в кинотекстах становится символом беспорядка, ее представители первыми нарушают и государственные законы, и культурные традиции. Вседозволенность власти, ее беспринципность являются наиболее распространенными сюжетами в кинофильмах последних двух десятилетий. В пространстве кинотекстов большинство представителей власти – сотрудники милиции, чиновники различных уровней, политики – не только совершают противоправные действия и не несут за это наказания, но в репликах и монологах они утверждают свою вседозволенность и остальные персонажи фильмов принимают «произвол власти» как нечто неизбежное, противостоя-

ять которому или бороться с ним могут лишь отдельные личности, наделенные какими-либо выдающимися способностями. Диссертант приходит к выводу, что контекст кинофильмов направлен на утверждение безнаказанности власти и незащищенности индивида перед ее произволом. Идея «произвола власти» тесно связана с кодом «силы». Код «силы», с одной стороны, является дополнением кода «власти», т.к. представители власти все время демонстрируют свою способность управлять людьми, влиять на их судьбы. С другой стороны, свое отношение к коду «сила» позиционируют и другие участники кинотекстов – герой, преступное сообщество, персонаж-проводник. В исследуемых кинотекстах были выделены три способа интерпретации силы: 1) сила физическая (насилие), 2) сила материальная (деньги), 3) сила символическая (характер персонажа).

Особенность кода «преступное сообщество» заключается в том, что в кинотекстах используются два типа его репрезентации, противоположные и по содержанию и по способу представления. Различие в интерпретации «сообщества» связано с социальным пространством, в котором оно функционирует: свободное общество или места лишения свободы. Принципиальные различия в интерпретации «сообществ», действующих в обществе как организованные преступные группы, и «сообществ», сформировавшихся внутри пенитенциариев, на художественном материале подтверждают теоретическое положение диссертации о когнитивных и функциональных различиях между тюремной и криминальной субкультурами. Кинотексты, посвященные тюрьме, предлагают негативную интерпретацию этого кода. В данном случае кинотексты и действительность тесно связаны друг с другом, т.к. в реальности отличительной чертой пенитенциарного сообщества является высокий уровень недоверия как к своим «сокамерникам», так и к администрации, и к обществу в целом. В результате человек, относящийся к определенной тюремной касте, скорее, предан правилам и нормам этой касты, а не другим людям, принадлежащим ей. Совсем иную трактовку кода «сообщество» предлагают кинотексты, посвященные криминальной субкультуре. В подобных кинотекстах жизнь в сообществе – это мечта, которую персонажи фильма сумели воплотить в реальность. Но под действием разнообразных обстоятельств (трагическая случайность, ошибочные действия самих персонажей) эта идиллия постепенно разрушается.

Код «герой-одиночка» представлен в анализируемых кинотекстах тремя типами: «герой-универсал», «герой – лидер сообщества», «герой-маргинал». Первый тип этого кода – это «герой-универсал», который принципиально не вступает ни в какие сообщества, не относит себя ни к одной профессиональной группе, криминальной группировке, тюремной касте. Он – олицетворение «онтологического одиночества», которое объясняется его универсальностью: в пространстве кинотекста ему удастся все – от создания сложнейших изобретений до решения конфликтов с любыми силами (силовыми структурами, этническими группировками, коррумпированными чи-

новниками и пр.). Двумя примерами этого типа являются Сергей Ненашев из фильма «Гений» и Данила Багров из дилогии «Брат». Второй тип кода «герой-одиночка» – это «герой – лидер сообщества». В отличие от «героя-универсала» одиночество для этого типажа проблематично, и на протяжении всего кинотекста он пытается преодолеть неотвратимость своего одиночества, всеми силами стараясь сплотить сообщество друзей. Будучи частью единого коллектива, герой не перестает осознавать свое лидерство, свое право распоряжаться судьбами участников своего сообщества. Зависимость первых типов кода «герой-одиночка» от социального окружения выражается обязательным присутствием рядом с ними «персонажа-проводника» (Ненашев – Костик, Обнорский – Катя Званцева, Данила Багров – Татарин). Анализ кода «персонаж-проводник» диссертант осуществляет посредством интерпретации «сказочного помощника» в концепции В. Проппа. Третий тип «героя-одиночки», присутствующий в анализируемых кинотекстах, – это «герой-маргинал» (Лузга, «Холодное лето 53-го»; Филателист, «Беспредел»; Вадим Упоров, «Фартовый»). Этот типаж действует в отличие от предыдущих двух непосредственно в местах лишения свободы. Если использовать философско-этическое трактовку понятия «герой» – это человек, совершающий акт самопожертвования ради общего блага, то именно «маргинал» является олицетворением этого понятия в современных кинотекстах. Ни Лузга, расправляющийся с бандой уголовников, ни Филателист, отстаивающий элементарные принципы уважения к индивиду, не преследуют никаких личных целей и выгод, вступая в борьбу с противниками.

Диссертант приходит к выводу, что в кинотекстах используются пять стратегий репрезентации тюремной субкультуры. Каждая из стратегий функционирует на основе механизма когнитивной дискриминации, в ходе которой смысл и значение одного явления преувеличиваются за счет принижения и искажения смысла и значения другого явления. Таким образом, символы и смыслы тюремной субкультуры через принижение, обесценивание символов и смыслов доминирующей культуры получают в кинотекстах положительную характеристику.

В заключении представлены основные выводы, предлагаются рекомендации по преодолению культурных и социальных последствий тюремизации различных сегментов культуры, намечаются перспективы дальнейшего исследования тюремной субкультуры.

Приложение содержит карту, результаты дискурс-анализа и анализа кинотекстов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Монографии, главы в коллективных монографиях

1. Тищенко Н.В. Интерпретация тюремной субкультуры в отечественной культуре: монография / Н.В. Тищенко. – Саратов: ООО «Издательский центр «Наука», 2012. – 183 с. [11,4 п.л.]. ISBN 978-5-9999-1523-8

2. Тищенко Н.В. Гендерные аспекты тюремной субкультуры в современной России: монография / Н.В. Тищенко. – Саратов: Наука, 2007. – 178 с. [11,1 п.л.]. ISBN 978-5-91272-253-0

3. Михайлова (Тищенко) Н.В. Социальная антропология насилия / В.Н. Ярская, В.В. Щербанова, И.Ю. Суркова и др. / под ред. В.Н. Ярской. – Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2005. – 125 с. [1,5 п.л.]. ISBN 5-7433-1512-4

4. Михайлова (Тищенко) Н.В. Гендерная экспертиза Уголовно-исполнительного кодекса РФ: власть закона и власть практики / Н.В. Михайлова // Гендерная экспертиза социальной политики и социального обслуживания на региональном уровне; под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, Н.И. Ловцовой. – Саратов: Научная книга, 2003. С. 272-292. [2 п.л.]. ISBN 5-93888-322-9

В изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

5. Тищенко Н.В. Свобода и несвобода в пространстве литературных текстов: дискурс-анализ произведений, посвященных ГУЛагу / Н.В. Тищенко // Философия и культура. – 2013. – № 4. – С. 499-509 [0,6 п.л.]. ISSN 1999-2793

6. Тищенко Н.В. Философские основания и социокультурные последствия альтернативных способов наказания / Н.В. Тищенко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 5 (31). Ч. 2. – С. 190-193. [0,6 п.л.]. ISSN 1993-5552

7. Тищенко Н.В. Дискурс-анализ литературных текстов: методологические предпосылки / Н.В. Тищенко // Вопросы культурологии. – 2013. – № 2. – С. 27-33 [0,5 п.л.]. ISSN 2073-9702

8. Тищенко Н.В. Тюремная субкультура: понятие, характеристика, особенности / Н.В. Тищенко // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2013. – № 2 (70). – С. 210-215. [0,5 п.л.]. ISSN 1999-8341

9. Тищенко Н.В. Три типа дискурса о тюремной субкультуре в отечественной литературе XX столетия / Н.В. Тищенко // Мир науки, культуры и образования. – 2013. – № 1 (38). С. 240-243 [0,5 п.л.]. ISSN 1991-5497

10. Тищенко Н.В. Гуманитарная инноватика как эффективная стратегия по преодолению влияния тюремной субкультуры / Н.В. Тищенко // Инновационная деятельность. – 2013. – № 1 (24). Ч. 2. – С. 131-138. [0,6 п.л.]. ISSN 2071-5226

11. Тищенко Н.В. Развитие системы наказания и типов преступлений от эпохи Просвещения до наших дней / Н.В. Тищенко // Социум и власть. – 2012. – № 5. – С. 86-91 [0,5 п.л.]. ISSN 1996-0522

12. Тищенко Н.В. Мифологизация тюремной субкультуры в советском кинематографе: анализ двух кинотекстов / Н.В. Тищенко // Социологический журнал. – 2011. – № 4. – С. 54-69 [1 п.л.]. ISSN 1562-2495

13. Тищенко Н.В. Развитие представлений о тюремной субкультуре в исследовательской литературе / Н.В. Тищенко // Философия права. – 2011. – № 5. – С. 88-92 [0,5 п.л.]. ISSN 1817-7085

14. Тищенко Н.В. Возможность применения количественных методов в исследованиях феноменов культуры / Н.В. Тищенко // Обсерватория культуры. – 2011. – № 3. – С. 105-109 [0,5 п.л.]. ISSN 2072-3156

15. Тищенко Н.В. Герой-одиночка и криминальное сообщество: стратегии сосуществования в пространстве кинотекста / Н.В. Тищенко // Вопросы культурологии. – 2011. – № 5. – С. 111-116 [0,5 п.л.]. ISSN 2073-9702

16. Тищенко Н.В. Ценности и нормы тюремной субкультуры в российском кинематографе конца XX – начала XXI вв. / Н.В. Тищенко // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 5 (54). – С. 61-66 [0,8 п.л.]. ISSN 1997-2377

17. Тищенко Н.В. Представления о пенитенциарной системе и осужденных в отечественной культуре / Н.В. Тищенко // Юрист. Правовед. – 2010. – № 2 (39). – С. 24-28 [0,5 п.л.]. ISSN 1817-7093

18. Тищенко Н.В. История ГУЛага в современных кинотекстах / Н.В. Тищенко // Вопросы культурологии. – 2010. – № 5. – С. 55-61 [0,5 п.л.]. ISSN 2073-9702

19. Тищенко Н.В. Эмпирическое и теоретическое пространство социологии культуры / Н.В. Тищенко // Вопросы культурологии. – 2009. – №4. – С. 32-36 [0,5 п.л.]. ISSN 2073-9702

В академических периодических изданиях

20. Тищенко Н.В. ГУЛаг и дискурсивные практики: «крутой маршрут» русских писателей в советских лагерях / Н.В. Тищенко // Философские исследования. – 2012. – № 3. – С. 1-43. URL: <http://e-notabene.ru> [1 п.л.]. ISSN 2306-0174

В зарубежных изданиях

21. Тищенко Н.В. Стратегии формирования идентичности в местах лишения свободы / Н.В. Тищенко // Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития: сб. науч. тр. SWorld по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Т. 21. – Одесса: Черноморье, 2011. С. 55-65 [0,4 п.л.]. ISSN 2224-0187

22. Tishchenko N. Gender Examination of the Criminal Legislation of Russian Federation / N. Tishchenko // Современный взгляд на юриспруденцию: мо-

нография: в 2 кн. Кн. 1 / под общ. ред. С.В. Куприенко; SWorld. – Одесса: Одесский нац. ун-т, 2012. С. 91-111 [2 п.л.]. ISBN 978-966-2769-08-1

23. Тищенко Н.В. Репрессивная теория власти и культуры М. Фуко / Н.В. Тищенко // Спецпроект: анализ научных достижений: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф.: в 7 т. Т. 2. – Днепропетровск: Біла К.О., 2011. С. 17-20 [0,4 п.л.]. ISBN 978-966-2447-72-9

24. Тищенко Н.В. Гуманитарная экспертиза условий содержания в местах лишения свободы в российской федерации / Н.В. Тищенко // Альянс наук: ученый – ученому: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф.: в 8 т. Т. 2. – Днепропетровск: Біла К.О., 2011. С. 113-116 [0,4 п.л.]. ISBN 978-966-2447-41-5

25. Tischenko N. Images of Criminality and Types of Illegality in Modern Culture / N. Tishchenko // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow-Geneva: RSS, 2011. 1 CD ROM. P. 557-560. [0,4 п.л.]. ISBN 978-5-904804-05-3

26. Tischenko N. Making a criminal image in native cinematography / N. Tishchenko // European Society or European Societies: a View from Russia / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow-Lisbon: RSS, 2009. P. 398-400. [0,4 п.л.]. ISBN 978-5-91146-210-9

В материалах международных и российских конференций

27. Тищенко Н.В. Творчество и изоляция: особенности текстов советских диссидентов / Н.В. Тищенко // Феномен творческой личности в культуре: Материалы V Фатищенковских чтений: в 2-х тт. – М.: ФИЯР МГУ, 2012. Т. 2. С. 374-383. [0,7 п.л.]. ISBN 978-5-88091-133-5

28. Тищенко Н.В. «А душу можно ль рассказать...»: особенности формирования жизненных стратегий осужденными (на примере биографических интервью) / Н.В. Тищенко // Современная социология – современной России: сб. ст. памяти первого декана факультета социологии НИУ ВША.О. Крыштановского [Электронный ресурс] / НИУ ВШ; РОС: СоПСО. – М.: НИУ ВШ, 2012. 1 электрон. диск (CD-ROM). С. 378-389. [0,8 п.л.]. ISBN 978-5-904804-08-4

29. Тищенко Н.В. Бродяжничество и бездомность как угрозы целостности городского пространства / Н.В. Тищенко // Искусство и власть в пространстве города: материалы Второй межрегион. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Учаева. – Саратов: ООО «Издательский центр «Наука», 2012. С. 162-169 [0,4 п.л.]. ISBN 978-5-9758-1399-2

30. Тищенко Н.В. Роль авторской методологии в культурологических исследованиях / Н.В. Тищенко // Материалы IV Фатищенковских чтений. – М.: МГУ, 2011. С. 275-283 [0,6 п.л.]. ISBN 978-5-88091-117-9

31. Тищенко Н.В. Литература и практики исключения: дискурс-анализ произведений, посвященных тюремной субкультуре / Н.В. Тищенко // Социологические методы в современной исследовательской практике: сб. ст., посв.

памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского / отв. ред. и вступ. ст. О.А. Оберемко; НИУ ВШЭ, ИС РАН, РОС. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 365-373 [0,6 п.л.]. ISBN 978-5-904804-03-9

32. Тищенко Н.В. Две культуры исследования: «различие» и «повторение» текстов Ж. Делеза и М. Фуко / Н.В. Тищенко // Экология: синтез естественно-научного, технического и гуманитарного знания: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Саратов: СГТУ, 2010. С. 474-476 [0,4 п.л.]. ISBN 978-5-7433-2423-1

33. Тищенко Н.В. Новые формации тюремных субкультур: власть, закон и сила в кинотекстах 90-х гг. XX столетия / Н.В. Тищенко // Третий Российский культурологический конгресс (с международным участием): тез. докл. – СПб.: Эйдос, 2010. С. 16-17 [0,1 п.л.]. ISBN 978-5-904745-10-3

34. Тищенко Н.В. Образ преступника в современном кинематографе / Н.В. Тищенко // Синергия культуры и динамика культурных процессов: сб. науч. ст. – Саратов: ООО Изд-во «КУБиК», 2009. С. 177-181 [0,4 п.л.]. ISBN 978-5-91818-017-4

35. Тищенко Н.В. Гендерный анализ системы наказания в Российской Федерации / Н.В. Тищенко // Психология власти – 2008: материалы Второй Междунар. науч. конф., 14-15 января 2008 / под науч. ред. А.И. Юрьева. – СПб.: Типография Изд-ва СПбГУ, 2008. С. 265-273 [0,5 п.л.]. ISBN 5-65263-031-4

36. Тищенко Н.В. Современные вызовы культурной политике / Н.В. Тищенко // Перспективы общественного развития в эпоху столкновения цивилизаций: сб. науч. работ: в 2 ч. – Саратов: Научная книга, 2007. Ч. 1. С. 62-67 [0,5 п.л.]. ISBN 978-5-9758-0435-8

37. Тищенко Н.В. Конструирование гендерной идентичности в условиях лишения свободы (на материалах качественного анализа интервью с осужденными) / Н.В. Тищенко // Первый российский культурологический конгресс: программа, тез. докл. СПб.: Эйдос, 2006. С. 346 [0,1 п.л.]. ISBN 5-88607-037-0

38. Тищенко Н.В. Женская преступность и асимметричный гендерный порядок современного общества / Н.В. Тищенко // Проблемы социально-гуманитарных наук в эпоху цивилизационного кризиса: сб. науч. ст.: в 2 ч. – Саратов: Научная книга, 2006. Ч. 2. С. 111-114 [0,3 п.л.]. ISBN 5-9758-0217-2

39. Тищенко Н.В. Роль этнической и сексуальной политики в современной культуре / Н.В. Тищенко // Основания и парадигмы современного общественного развития: сб. науч. ст.: в 2 ч. – Саратов: Научная книга, 2005. Ч. 2. С. 77-81 [0,4 п.л.]. ISBN 5-9388-807-7

40. Михайлова Н.В. Современные военные стратегии и гендерная идентичность / Н.В. Михайлова // Социальные идеалы в стратегиях общественного развития: межвуз. науч. сб.: в 2 ч. – Саратов: Научная книга, 2005. Ч. 2. С. 236-241 [0,5 п.л.]. ISBN 5-9388-717-8

41. Михайлова (Тищенко) Н.В. Пенитенциарная система России: попытка антропологической экспертизы / Н.В. Михайлова // Современное российское общество: власть экспертизы: межвуз. науч. сб. – Саратов: Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2003. С. 228-238 [0,8 п.л.]. ISBN 5-7213-0247-X

42. Михайлова (Тищенко) Н.В. Новая генерация женской преступности / Н.В. Михайлова // Интеграционные процессы в современном обществе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. М.Э. Елютиной. – Саратов: Аквариус, 2003. С. 155-159 [0,4 п.л.]. ISBN 5-94942-010-5

43. Михайлова (Тищенко) Н.В. Образование как средство ресоциализации в условиях тюремного заключения / Н.В. Михайлова // Образование для всех: пути интеграции: сб. науч. ст. – Саратов: СГТУ, 2003. С. 224-231 [0,6 п.л.]. ISBN 5-7433-1206-0

44. Михайлова (Тищенко) Н.В. Социальные трансформации и понятие «пагубные привычки» в медицине / Н.В. Михайлова // Проблемы нормы и патологии: современные дискурсивные практики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов: Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2002. С. 35-40 [0,4 п.л.]. ISBN 5-7213-0294-1

В других изданиях

45. Тищенко Н.В. Эмпирические и теоретические аспекты исследования формирования гендерных практик в условиях лишения свободы / Н.В. Тищенко // Власть, личность, общество: исторические, политологические и социологические исследования. Серия «Грани науки». Вып. 2 [Электронный ресурс] / под ред. А.В. Головинова, М.С. Речкова. Барнаул: Сизиф, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 48-59 [0,8 п.л.]. ISBN 978-5-905177-12-5

Тищенко Наталья Викторовна

ТЮРЕМНАЯ СУБКУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК

Автореферат

Подписано в печать 20.08.13

Бум. офсет.

Тираж 100 экз.

Усл. печ. л. 2,5

Заказ 128

Формат 60×84 1/16

Уч.-изд. л. 2,0

Бесплатно

Саратовский государственный технический университет

410054, Саратов, Политехническая ул., 77

Отпечатано в Издательстве СГТУ. 410054, Саратов, Политехническая ул., 77

Тел.: 24-95-70; 99-87-39, e-mail: izdat@sstu.ru